

□Проклятый дух, мчавшийся к крестьянам, бесследно растаял в сиянии «Синего». В небе над деревней, словно застыв в воздухе, возник силуэт Годжо Хары.

Спустившись к Сугуру Гэто, он без лишних предисловий принялся его отчитывать: мол, если уж собрался резать этих деревенщин, негоже пачкать собственные руки — можно ведь проверить всё куда чище, не оставив ни капли остаточной проклятой энергии.□

Зрители онемели. Все думали, что Хара явился спасти жизни и удерживать друга от непоправимого, а он с порога принялся читать лекцию о том, как совершить идеальное убийство.

Полицейские и сыщики из первого зала и четвертого зала вселенной «Детектива Конана» воззрились на юношу с глубочайшим потрясением:

— Да это же чистое подстрекательство к убийству и фальсификации улик!

— С чего вы вообще взяли, будто я праведник? — сухо парировал Хара.

Неужели после всех показанных расправ они до сих пор не поняли, что перед ними — безжалостный монстр, для которого чужая жизнь ничего не стоит?

В зале воцарилась гробовая тишина. Наконец со своего места в первом секторе поднялся Такааки Морофуси. Его голос звучал ровно и рассудительно:

— Суди о человеке по делам его, а не по помыслам; безгрешных душ на свете нет. Нам неважно, о чём вы думаете, господин Хара, важны лишь ваши поступки. Сколько бы вы ни называли себя злодеем, факт остаётся фактом: вы уничтожаете проклятия, реформируете Мир магов и уберегли тех крестьян от ярости господина Гэто. Каковы бы ни были ваши скрытые мотивы, вы творите благо.

Какая разница, что на уме у спасителя, если жизни спасены?

Хара лишь недовольно цыкнул. Надо же, он сам заявляет, что он чудовище, а они упрямо ищут ему оправдания.

□Сугуру Гэто, искренне полагавший, что друг явился остановить его от безумия, лишился дара речи. Подобный поворот событий начисто выбил его из колеи.

А Хара тем временем продолжал: верхушка из «гнилых мандаринов» сама без зазрения совести избавляется от обычных людей, просто умело замечает следы. И если Сугуру так уж приспичило известить этих невежд, пусть учится прятать концы в воду, чтобы комар носа не подточил.

Готовность Хары покрывать его преступления против обывателей окончательно запутала Гэто. В смятении он выплеснул всё, что так долго копилось на душе: почему юные маги должны страдать от жестокости обычных людей? Ради чего они жертвуют жизнями, защищая этих неблагодарных «обезьян», которые сами же и порождают проклятия? Он истребит их всех до единого! Создаст новый мир, где будут жить только маги!

Хара лишь мысленно вздохнул, списав этот порыв на банальный юношеский максимализм и недостаток образования.

— Утопия, — безжалостно отрезал он, разбивая мечты друга вдребезги.

Приведя в пример соотношение численности магов и обычных людей, а также разницу в их военной мощи, Хара доходчиво объяснил: стереть с лица земли человечество невозможно. С этим не справятся даже они с Сатору — сильнейшие маги современности. А если попытаться, мир просто сгорит в огне всеобщего уничтожения.

У обычных людей есть грозное оружие — ядерный арсенал, способный утянуть за собой в могилу всех магов без исключения. И если Харе с Сатору не страшны ни наведение ракет, ни бомбардировки, то остальные маги превратятся в пепел за секунду.

Потрясённый этими холодными доводами, Гэто впал в ступор и даже не успел срезать удар, которым Хара отправил его в глубокий нокаут, чтобы затем унести прочь.□

В первом зале Сугуру Гэто готов был сквозь землю провалиться от стыда: видеть собственные юношеские бредни на огромном экране оказалось той еще пыткой. Это была настоящая публичная казнь его репутации.

Во втором зале — пространстве «Магической битвы» — глава культа Гэто молча созерцал, как его параллельный двойник загорается той же безумной идеей «великой справедливости» и как безжалостно разносит её в пух и прах Годжо Хара.

Каждое слово Хары было подкреплено неопровержимыми фактами. Против такой логики не мог ничего возразить ни экранный Гэто, ни сам глава культа.

За долгие десять лет изгнания Гэто и сам начал осознавать, что его великая цель — не более чем красивая иллюзия, тупик, из которого нет выхода. Но, омыв руки в крови собственных родителей, он уже не мог повернуть назад. Ему оставалось лишь упрямо шагать в бездну, заглушая голос совести и убеждая себя в ненависти к жалким «обезьянам».

В конце своего пути, израненный и истощённый, встретив догнавшего его лучшего друга, он с облегчением принял смерть от его руки, надеясь обрести вечный покой.

Кто же знал, что даже после кончины его притащат в этот загадочный кинозал? Из увиденного

следовало страшное: его труп осквернили и использовали как марионетку, а самую великую идею, толкнувшую его на предательство, срежиссировал безвестный кукловод. Вся его жизнь, полная борьбы и лишений, оказалась лишь тонко разыгранной чужой партией. Осознание этого давило на грудь неподъемной тяжестью, отравляя душу горьким раскаянием.

Он невольно повернул голову и встретился взглядом с учителем Годжо, чьи глаза сияли первозданной лазурью бескрайних небес.

Учитель Годжо без труда прочел в глубине его зрачков невыносимую боль и раскаяние, но губы его тронула едва заметная, мягкая улыбка.

"Раз уж ты раскаиваешься, возвращайся. Возвращайся ко мне, Сугуру..."

Даже если его тело мертво, его разум, его воля и душа могли обрести пристанище рядом с единственным другом.

Пока они едины духом, они — сильнейшие!

Увидев, как Хара бесцеремонно вырубил бунтующего друга и утащил его с собой, зрители наконец облегченно выдохнули. Теперь их умы занимало другое — шокирующее заявление, прозвучавшее на экране.

— Неужели эти двое действительно способны выстоять против ядерного взрыва? Бред какой-то... Разве может человек потягаться с мощностью атома?

— Почему бы и нет? Вспомните прошлые кадры: они же способны мгновенно перемещаться на колоссальные расстояния. Пока ракета летит, они успеют трижды сменить континент. Им просто плевать на подобные угрозы.

— Какое счастье, что другие маги так не умеют. Против них обычное оружие все еще эффективно, иначе нам, простым людям, пришел бы конец.

— И не говорите. Нам несказанно повезло, что Сатору вырос нормальным человеком. Только благодаря его влиянию этот монстр Хара до сих пор держится в рамках закона.

— Страшно представить, что было бы, реши Хара уничтожить мир. Как его остановить? С его «Безграничностью» он выживет, даже если бомба рванет прямо у него под носом. Да ему и подставляться не надо — просто телепортируется подальше. Захоти он убрать кого-то из сильных мира сего, хоть премьер-министра на глазах у всех, никто бы и пикнуть не успел...

Обычные люди среди зрителей невольно содрогались от ужаса, осознавая масштабы этой непреодолимой силы. Абсолютная защита, мгновенное перемещение на любые расстояния, мгновенное исцеление ран — настоящие идеальные солдаты без единой уязвимости. Против

таких богов во плоти бессилен любой человеческий арсенал.

Оставалось лишь благодарить судьбу за то, что эти двое выбрали сторону человечества.

Пусть у Хары моральные ориентиры изрядно хромали, его слепая привязанность к брату спасала положение. Сатору, обладавший вполне здоровыми понятиями о добре и зле, удерживал своего близнеца на светлой стороне.

А что касается невыносимого, вздорного характера Сатору... Да какая, к черту, разница? На фоне спасения мира от гибели любые его чудачества казались невинными шалостями. Разве можно требовать от живого бога идеальных манер? Пусть развлекается как хочет.

Зрители принялись наперебой расхваливать благородство и доброту Сатору, находя очарование даже в его капризах.

Услышав этот хор восторженных голосов, учитель Годжо невольно замер с весьма двусмысленным выражением лица. Он сам привык без лишней скромности заявлять, что безупречен во всем, кроме характера, и уж точно не ожидал, что его вздорный нрав когда-нибудь запишут в достоинства.

□Пока Хара уносил бесчувственного Гэто и спасенных девочек, выжившие крестьяне в панике разбегались из деревни.

Ничего не понимающий вспомогательный управляющий, прикрепленный к Гэто, вскоре получил звонок от Хары. Под его жестким руководством управляющий быстро собрал доказательства бесчинств местных жителей, и вскоре за теми приехала полиция.

Наблюдавший издалека за тем, как деревенщин увозят в патрульных машинах, мужчина со шрамом на лбу лишь раздосадованно поморщился:

— Опять этот Годжо Хара... До чего же кость в горле! Такой безупречный план по склонению Сугуру к предательству коту под хвост пустил.□

В первом зале вокруг Сугуру Гэто забурлила, закипая, проклятая энергия. За его спиной с глухим треском разошлась пространственная щель, откуда мертвенным холодом повеяло дыханием бездны. Оттуда, толкаясь и скрежеща когтями, силились вырваться уродливые, кошмарные твари. Обычные люди, никогда прежде не видевшие проклятых духов воочию, в ужасе повскакали со своих мест.

— Господин Гэто! Умоляем, успокойтесь!

— Не глупите, здесь запрещено применять силу!

Гэто глубоко вздохнул, заставляя бушующую энергию утихнуть, и запечатал прореху в пространстве. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Прощу прощения, я совершенно спокоен, — невозмутимо отозвался он. — Просто решил выпустить питомцев проветриться. Слишком долго они томились в неволе.

Остальные лишь нервно сглотнули. "Ну да, конечно, так мы тебе и поверили..."

Глава культа Гэто во втором зале реагировал куда тише своего экранного двойника. Будучи бесплотным призраком, лишенным своей былой армии проклятий, он мог лишь молча, сжигаемый бессильной яростью, сверлить взглядом экран, где кривился в досаде обладатель шва на лбу. На его лице застыла маска ледяного гнева человека, осознавшего, как подло им помыкали.

Учитель Годжо ободряюще положил ладонь ему на плечо. В его тихом голосе сквозила смертельная, леденящая душу угроза:

— Я сотру эту тварь в порошок, Сугуру. Лично выковыряю эти мозги.

Глава культа медленно повернулся к другу, долго молчал, а затем бессильно закрыл лицо ладонями, пряча глаза.

— Знаешь... я ведь действительно раскаялся, — глухо, надтреснуто произнес он. — Но когда мосты сожжены, отступать некуда. Даже понимая, что иду на смерть, я должен был пройти этот путь до конца. И каково теперь узнать, что каждый мой шаг, каждая крупинка моего «величия» были прописаны в чужом сценарии? Что меня вели за ниточки, как послушную куклу?

В его памяти вихрем пронеслись призраки прошлого: безжизненное тело юной Рико Аманаи, нелепая гибель Хайбары, истерзанные сестры Мимико и Нанако, лица забитых им насмерть крестьян и... собственных родителей. И его собственная кончина в темном переулке.

Значит, все эти трагедии подстроила склизкая тварь лишь ради того, чтобы прибрать к рукам его тело и Технику манипуляции проклятиями?

Кем он был всю свою жизнь?

Жалким посмешищем.

Гэто прерывисто, болезненно рассмеялся:

— Какая глупость... Какая нелепая, смехотворная жизнь!

Только после смерти ему открылась страшная правда: весь его бунт, вся его великая миссия, казавшаяся столь монументальной, были не более чем фарсом, разыгранным заезжим кукловодом.

Учитель Годжо, глядя на сломленного друга, крепко сжал его опущенную руку, силой отнимая ее от бледного лица. Встретившись с ним взглядом, он твердо произнес:

— Сугуру. Я уничтожу его. Клянусь, он заплатит за все.

Утешать словами Годжо никогда не умел. Он понимал, что прошлое не вернуть и сделанного не исправить, а пустые обещания лишь ранят сильнее. Единственное, что он мог дать своему единственному другу — это справедливое возмездие.

И гнев, бушевавший в груди сильнейшего мага, превосходил даже ярость самого Гэто. Одно дело — терпеть удары судьбы самому, и совсем другое — видеть, как растоптали и использовали того, кто был ему дороже всех на свете.

Глава культа посмотрел в полные решимости глаза друга и слабо сжал его пальцы в ответ. На его губах появилась тень прежней, искренней улыбки:

— Спасибо, Сатору. Я верю тебе.

Его земной путь завершен, и вскоре после окончания просмотра его душа вернется в холодные чертоги загробного мира. Все, что ему оставалось — доверить свою месть тому, кто никогда его не подводил. Сатору ведь сильнейший.

□Хара самолично уладил вопрос с отсутствием друга перед Ягой Масамити, выхлопотав тому бессрочный отпуск. После чего попросту запер Гэто на необитаемом острове, предложив на собственной шкуре прочувствовать все прелести существования в мире, где нет ни единой «обезьяны», а есть лишь он один — чистокровный маг.

Поначалу Сугуру искренне наслаждался первозданной тишиной, свободной от мерзких обывателей и проклятых тварей. Однако вскоре блага цивилизации иссякли: пропали электричество и пресная вода, запасы провизии подошли к концу, и безмятежный отдых стремительно превратился в суровую «Робинзонаду Сугуру Гэто».

Бытовые лишения еще можно было перетерпеть, но удушающее, звенящее одиночество едва не свело его с ума.

Когда Хара соизволил навестить отшельника, он привез ему в подарок... крошечную живую обезьянку. И пусть Сугуру прекрасно понимал, что этот жест — тонкая издевка над его пренебрежительным прозвищем для обычных людей, он принял зверька с искренней благодарностью. Голод по живому общению был слишком велик.

Маленький питомец, оказавшийся на редкость сообразительным, стал для него единственным спасением. Гэто часами разговаривал с ним, делаясь сокровенным, и порой готов был отдать последний кусок хлеба, лишь бы его лохматый компаньон не остался голодным.□

В первом зале Сатору Годжо, уставившись на экран, сначала ошарашенно захлопал глазами, а затем с грохотом обрушился на стол, заходясь безудержным хохотом:

— Ха-ха-ха! Пресвятые угодники, Сугуру! Так вот где ты пропадал целых три месяца! Устроил себе «Робинзонаду»? Обезьянка... Ой, не могу! Так вот почему ты с нее пылинки сдувал!

Поскольку в их мире Хара вовремя пресек безумие друга, а зловещий заговорщик с мозгами наружу давно кормил червей, Сатору не испытывал той щемящей тоски, что терзала его двойника из параллельной реальности. Напротив, созерцание дикарских будней лучшего друга доставляло ему колоссальное удовольствие.

Две уцелевшие сироты, которых Хара некогда вызволил из заброшенной деревни, тоже сидели в зале. Глядя на то, как суровый мужчина, которого они привыкли почитать как спасителя, нянчиться на необитаемом острове с мартышкой, они растерянно переглянулись.

Вся эта история с таинственным «отпуском» Гэто наконец обрела кристальную ясность благодаря беспристрастной камере кинозала, запечатлевшей самые нелепые и грязные моменты его выживания.

Единственной жертвой этой безжалостной премьеры чувствовал себя сам Сугуру Гэто.

Он сидел с лицом человека, окончательно разочаровавшегося в бытии. За его плечами вновь с тихим треском разверзлась бездна проклятого хранилища, откуда, теснясь и толкаясь, выглядывали омерзительные рожи его подчиненных духов. Атмосфера вокруг сгустилась настолько, что сидевшие поблизости зрители предпочли затаить дыхание.

Лишь счастливый гогот Сатору продолжал оглашать своды зала, полностью игнорируя безмолвную угрозу друга.

Во втором секторе учитель Годжо с сочувственным видом похлопал главу культа по плечу и вздохнул:

— Эх, Сугуру, дурак я был. Надо было тебя не в изгнание отпускать, а запереть на каком-нибудь глухом острове. Глядишь, тоже сняли бы шедевр про выживание.

Уголок губы Гэто нервно дернулся. Он демонстративно отвернулся от экрана, где его экранная копия как раз пыталась разжечь костер трением двух палочек:

— Избавь меня от своих фантазий. Уж лучше быть проклятым магом, чем терпеть подобный

позор.

Впрочем, где-то в глубине души бывший лидер секты почувствовал слабое облегчение за своего двойника. Как хорошо, что Хара успел выдернуть его из этой выгребной ямы безумия до того, как Кэндзяку захлопнул ловушку.

Присутствие в их жизни еще одного близнеца Годжо действительно перевернуло все фигуры на доске.

□Поскольку Сатору не на шутку тревожился о судьбе друга и то и дело донимал расспросами Хару, тот решил, что пора закручивать лавочку с диким туризмом.

Вновь прибыв на остров, Хара отыскал отощавшего отшельника и без лишних обиняков разложил по полочкам, почему его пресловутая «великая идея» гроша ломаного не стоит.

Мир магов подчиняется строгим законам равновесия: количество проклятых духов и сила магов всегда находятся в балансе. Стоит полностью уничтожить источник проклятий и выкосить обычных людей — и магический дар начнет угасать за ненужностью. В итоге даже те маги, ради которых Сугуру затевал резню, со временем превратятся в самых заурядных обывателей.

Эти слова повергли Гэто в глубокое уныние. Если его грандиозный замысел изначально был мертворожденным, то ради чего вообще стоило жить?

Но Хара не просто разрушал чужие воздушные замки — он умел предлагать взамен надежный фундамент.

Раз уж Гэто так печется о непомерно высокой смертности среди молодых магов, корень зла нужно искать не в людях, а в прогнившей системе самого Мира магов. Ему следует окончить колледж, войти в состав высшего руководства и, собрав вокруг себя верных единомышленников, выжечь метастазы старого строя изнутри.

Тьма в глазах Гэто рассеялась, уступая место новому, чистому пламени подлинного призвания.

Из потенциального террориста, готового утопить мир в крови ради призрачной цели, он в мгновение ока превратился в яростного реформатора. Схватив Хару за плечи, он взволнованно требовал немедленно вернуть его в Токио — ведь великие дела не ждали!

Хара лишь закатил глаза, сухо бросив на прощание:

— Да понял я, понял, Брат Справедливость.□



В первом зале Сатору, только-только переведший дух, при звуках этого издевательского прозвища «Брат Справедливость» согнулся пополам в новом приступе безудержного хохота:

— Ха-ха-ха! Брат Справедливость! Ну умора!

Он бесцеремонно ткнул пальцем в побагровевшего Гэто:

— Эй, Брат Справедливость! Как поживаешь, Брат Справедливость? Ау, отзовись!

Сёко Иэири, затушив сигарету, тоже не смогла сдержать улыбки:

— Приветствую вас, о Брат Справедливость.

Во втором секторе учитель Годжо с самым серьезным видом повернулся к своему призрачному спутнику и торжественно провозгласил:

— Салют, Брат Справедливость!

Ученики Токийского магического колледжа, некогда изрядно битые этим самым «праведником» во время его безумного парада ста проклятий, не упустили случая отыгаться. Особенно усердствовали Панда и Маки Дзэньин.

— Какая встреча, Брат Справедливость! — съязвила Маки, скрестив руки на груди.

— Именно! — поддержал ее Панда, ухмыляясь во всю пасть.

Тогэ Инумаки энергично закивал:

— Лосось, лосось!

Юта Оккоцу, будучи юношей благовоспитанным и скромным, предпочел промолчать, сочувственно поглядывая на бывшего врага. Однако Панда не пощадил и его, резко обернувшись к ученику:

— Ну, раз он у нас Брат Справедливость, то ты, Юта, официально становишься Братом Чистой Любви!

Медведь демонстративно принял пафосную стойку, копируя давний жест Оккоцу из битвы в Токио:

— «Как некультурно... У нас тут вообще-то чистая любовь!»

Тогэ мгновенно подыграл другу, приняв боевую позу, а Панда с выражением продекламировал за двоих:

— «Если ты — чистая любовь, то я тогда — сама справедливость!»

Оккоцу прикрыл лицо ладонью. Ожившие воспоминания нанесли жестокий удар по его неокрепшей психике.

Глава культа Гэто тоже почувствовал, как краска стыда заливает шею. В пылу битвы те пафосные речи казались ему вершиной драматизма, но теперь, глядя на дурачащихся подростков, он готов был зубами грызть землю от неловкости.

Заметив пантомиму учеников, учитель Годжо пришел в полный восторг. Оказывается, во время той заварушки в Токио, которую он благополучно пропустил, творилось такое веселье!

— Невероятно! — восхитился Сатору, переводя взгляд с Юты на мрачнейшего Гэто. — Неужели вы и правда выдали нечто столь эпичное? Схватка Брата Чистой Любви против Брата Справедливости! Жаль, я не видел этого вживую. — Он заговорщически подмигнул призраку. — Сугуру, ну покажи еще разок! Как там было? «Я — сама справедливость!» Давай же, не ломайся!

В ответ на кривляния друга бывший изгой не выдержал и наотмашь влепил призрачный кулак ему в макушку:

— Да чтоб ты провалился, Сатору!

— Мимо! У меня вообще-то «Безграничность» работает! — хохотнул тот, ловко увернувшись.

Поняв, что спорить с этим несносным типом бесполезно, Гэто уселся поудобнее, засунул руки в широкие рукава кимоно и застыл с отрешенным видом буддийского монаха. Больше ни одна провокация Годжо не встретила отклика, хотя тот еще долго шептал ему на ухо «Брат Справедливость» на разные лады.

□Вернувшись в Токийский магический колледж, Сугуру обнаружил себя у разбитого корыта: львиная доля его с трудом подчиненной армии проклятий была безжалостно уничтожена Харой во время инцидента в деревне. В его распоряжении осталась лишь горстка никчемных мелких духов, из-за чего его боевая мощь катастрофически упала.

Желая поскорее восполнить потери, Гэто рвался лично заняться зачистками и набрать свежий материал.

Однако Хара наложил на эту самодеятельность строжайшее вето. У него были все основания полагать, что за внезапным помутнением рассудка друга стоит некий теневой кукловод. Выпускать ослабленного мага за пределы барьеров в такой момент равнялось самоубийству, а позволить погибнуть тому, кого его драгоценный брат Сатору считал единственным близким другом, Хара не мог себе позволить.

В итоге Гэто заперли в стенах школы под круглосуточным присмотром, в то время как близнецы Годжо лично отправились на охоту, вылавливая для него мощных тварей по всей стране.

Это неожиданное решение оставило караулившего у ворот Кэндзяку ни с чем.

Древний заговорщик, неделями ожидавший, когда цель наконец покинет безопасную территорию, от новостей буквально лишился дара речи. Узнав, что Гэто безвылазно сидит в коллежде, а сильнейшие маги современности приносят ему готовые проклятия прямо на блюде, он едва не завыл от ярости.

— Чертов Годжо Хара! Вечно он лезет не в свое дело!

Кэндзяку прекрасно понимал: сам Гэто из-за своего непомерного эго никогда бы не поверил в возможность засады и уж точно не стал бы прятаться. Значит, за этой трусливой тактикой стоял кто-то другой. И этим «кем-то» мог быть только Хара — осторожный, расчетливый и чертовски пронырливый прагматик, разгадавший его намерения наперед.

Осознав, что пробить такую оборону в лоб не удастся, заговорщик был вынужден отказаться от плана по захвату тела повелителя проклятий.□

<http://bllate.org/book/19549/2004427>